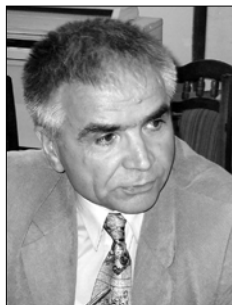

✦ Профессиональное кредо

ФИЛОСОФИЯ ПРОФЕССИОНАЛА. Часть 2 (ИНТЕРВЬЮ Ю.М. РЕЗНИКА С ПРОФЕССОРОМ П.К. ГРЕЧКО, 20 МАРТА 2009 г.)

Уважаемые читатели! Уже после того, как я получил от Петра Кондратьевича выверенный им текст первого интервью, мы встретились с ним вновь в ходе научной командировки в г. Чебоксары.

Если быть точным – 20-23 марта 2009 г. И оказалось, что вопросов у меня к нему осталось еще много. Поскольку интервью – это всегда диалог, предполагающий взаимную откровенность, то эти вопросы относятся также и ко мне. И я пытался, как мог, на них искренне отвечать. В первом интервью я предложил Петру Кондратьевичу увидеть себя в зеркале, в том числе в зеркале моих вопросов, на которые у меня не было четких ответов. Во втором же интервью задача оказалась куда более сложной – посмотреть на самих себя с другой стороны зеркала и увидеть свое отражение в зеркальном отражении другого человека. Насколько это нам удалось сделать, судите сами. Но я счел возможным предоставить вторую попытку профессору П.Г. Гречко, наивно полагая, что мне удастся узнать то, что он думает на самом деле, хотя нет ни малейшего повода сомневаться в искренности его ответов в первом интервью.

Ю.М. Резник

О старшем поколении

Ю.М. Резник: *Петр Кондратьевич! Продолжаем наш разговор. Первый вопрос – о Вашем отношении к старшему поколению. Чем Вы объясняете свое несколько предвзятое отношение к нему?*

П.К. Гречко: *Я объясняю это неким моральным долгом, не выполненным этим поколением. А исхожу я из того, что философия по определению должна быть «честным мышлением», хотя понятно, что выдержать эту честность в свое время было трудно. И тем не менее я вижу, что у старшего поколения наших гуманитариев не было особого желания справиться с этой ситуацией, приобщиться к честности, пусть хотя бы во внутреннем, моральном смысле, несмотря на бесчестие самой эпохи, в которой они жили. Я считаю, что определенная вина все-таки лежит на старшем поколении. Тем более что в этом поколении были свои диссиденты. Значит, такое было возможно в принципе. Но почему тогда боялись и по большей части оставались интеллектуальными оппортунистами?*

Ю.М.: *Но вспомните А.А. Зиновьева. Его ситуация была очень непростой. Вначале он был принят властью, получил все необходимые ученые степени и звания. А затем оказался непризнанным человеком в своей стране.*

П.К.: Да, он возмутился, восстал против властей, стал писать критические статьи. Но его последняя идейная эволюция мне не очень понятна. Я никак не могу понять и принять его заигрывание со сталинизмом, а также попытку представить эту эпоху как естественную форму развития нации, страны. С этим трудно согласиться. Для меня Сталин – диктатор и в этом смысле отрицательная личность. Историческая личность, но отрицательная. Он виноват в том, что подорвал демографические и культурные корни всей нации, прежде всего русского народа. И мы до сих пор не можем оправиться от этого исторического самоедства, этого геноцида собственного народа. Это страшно. Но многие представители старшего поколения смотрят на все это более спокойно, полагая, что творились великие дела. Однако для меня на первом месте всегда вопрос цены, а потом уже великое дело. Все-таки если цена огромная, то надо отказаться от дела или уточнить, смягчить его.

Ю.М.: *Наверное, суть нашей исторической драмы заключается не только в масштабе дела, но и в том, как его делают. Ведь те проекты, которые были навязаны народу (коллективизация, модернизация, культурная революция, военная реформа и пр.), заранее предполагали подавление человеческой свободы, введение чрезвычайного, мобилизационного режима существования советских людей. Да, цена была неадекватной потерям и последствиям. Но была ли альтернатива?*

П.К.: Возьмем в качестве примера деревню. Целый уклад народной жизни исчез. Это огромные потери, потому что и городская наша культура корнями уходит в деревенскую. И вдруг этой деревенской культуры не стало. Во многом по недомыслию и историческому произволу таких политических руководителей, как Сталин. Без корней оказываемся, в перекасти-поле превращаемся. Я до сих пор переживаю, что у нас не было общественной дискуссии, не было критической оценки, так как это было у немцев с Гитлером и нацизмом. Отечественные ученые не дали объективной оценки места и роли сталинизма в нашей истории. А что значит оценить? Это значит – сделать выводы на будущее. Оно по-прежнему у нас в тумане. Попытки отдельных представителей сегодняшнего руководства страны вернуться к кулаку и диктату силы возвращают нас в прошлое. И еще. Это касается нашего сообщества. Я считаю, что если бы мы немного больше работали над своим профессионализмом, радели о нем, несмотря на системное давление, то выглядели бы сегодня гораздо более привлекательно. Ведь наш плохой престиж в обществе во многом оправдан нашим бездействием и нечувствительностью к профессиональным нормам.

О профессионализме и соглашательстве в научном сообществе

Ю.М.: *Петр Кондратьевич! А вот лично Вы какую ответственность готовы взять на себя за все то, что происходило и происходит в науке уже при Вас?*

П.К.: Если выделить главное – ответственность за то, что мы смирились с неадекватным духу времени **непрофессионализмом**. Для меня это самая раздражающая черта или качество в любом человеке. Многое в ней зависит от системы, но что-то и от личных, индивидуальных усилий. Я считаю, что в этой ситуации мы проявили себя очень сильно и неинициативно. Это непростительно.

Ю.М.: *Но ведь, зная все это, Вы, как член экспертного совета ВАК России, являетесь свидетелем низкого качества диссертаций. Вы же на заседаниях совета выступаете вовсе не как принципиальный человек, который бы сказал: «Вот эту работу не надо утверждать. Она не соответствует научным критериям и профессиональным*

требованиям». Но Вы же этого не говорите. На словах Вы — борец за чистку научных рядов. А на деле?

П.К.: Даже более того. Когда меня сделали заместителем председателя совета, я отказался от этой «должности», что как бы и непонятно. А что произошло? Я начал что-то предлагать, но заметил, что другие члены совета не понимают моей обеспокоенности, и отступил назад. Стал более компромиссным, пошел на поводу у ситуации. И что самое интересное, я уже не протестую против нее, потому что вижу: другие смотрят как-то неодобрительно на выдвигаемые инициативы и предложения. Бесплезно стучаться в наглухо закрытую дверь, хотя, по Достоевскому, человек тем и отличается, что всю жизнь бьется головой о непрошибаемую стену.

Ю.М.: *Может, мы сейчас и подошли как раз к той черте, которую Вы осуждаете в других. Ведь это не просто толерантность, а обыкновенное соглашательство и проявление того самого непрофессионализма?*

П.К.: Да, придется согласиться с Вами. Соглашательство, в какой-то мере даже сговор. Я когда-то писал в статье: западная демократия стоит на договоре, а у нас — на общественном сговоре власти с народом. Я наблюдаю это не только на макро-, но и на микроуровне, в т.ч. и в научном сообществе: административные «верхи» живут своей жизнью, педагогические «низы» — своей. «Законы» доводятся до ума с помощью «понятий».

Ю.М.: *Как Вы докатились до такой жизни? Устали бороться?*

П.К.: Устал! Так как нигде не нахожу поддерживающего резонанса, даже на своей кафедре. Люди не принимают и не хотят принимать профессиональные правила игры. Иногда кивают, что согласны, но мало что делают. Видимо, за долгие годы советской власти у нас убили некую изначальную инициативу, задушили исконный энтузиазм, притупили первичное чувство ответственности, так что мы оказались уже на все готовы. Вспоминается здесь новостная информация о том, что в Санкт-Петербурге молодежь вышла на демонстрацию согласных, ее участники несли различные нестандартные лозунги, в том числе и такой: «Мы согласны — на все!» Это, конечно, шутка-вызов, но она хорошо иллюстрирует мысль о том, что мы смирились со всем происходящим. Мы и в науке согласны на все. Ведь и на диссертационных советах никто особо не возражает, когда обсуждаются откровенно слабые диссертации. А в кулуарах критикуем свою вузовскую администрацию. Хотя есть Ученый совет университета, где мы и должны принимать общие решения. Но почему-то пасуем.

Ю.М.: *А вот такой вопрос. Многие знают мою репутацию как оппонента. Некоторые боятся, а кто-то из соискателей даже обращается с просьбой критически отнестись к его работе. Но к Вам ведь не подходят диссертанты или их научные руководители и не просят, чтобы Вы сделали объективную, беспристрастную и даже в чем-то критическую оценку их работы?*

П.К.: Нет, такого не было. С такими предложениями я не сталкивался. Скорее вкрадчиво просят: «Почитайте, пожалуйста, попробуйте вникнуть, понять и т.д.» Наоборот, иногда я попадал в свои же ловушки, преждевременно соглашаясь выступить в качестве оппонента. А потом думал: вот если бы я знал, что столкнусь с таким плохим текстом, то, пожалуй, и отказался бы. Но тут я уже был связан данным словом и потому пытался найти хоть какие-то аргументы в пользу диссертации, поскольку от меня ожидался положительный отзыв. А потом меня мучила совесть. Несколько раз попадал в такую неприятную ситуацию.

Ю.М.: Вы не одиноки. Я тоже попадал. И потом, как и Вы, корил себя за это.

П.К.: С моральной точки зрения такому поведению в науке нет никакого оправдания. Впрочем, нет, в неоинституциональной теории это называется достаточно мягко — «оппортунистическое поведение».

Ю.М.: Тем не менее насколько Вы себя принимаете или не принимаете, когда в очередной раз не следуете собственным исходным установкам на профессионализм?

П.К.: В целом линию соглашательства в научном сообществе я, к сожалению, уже принял и не особенно теперь беспокоюсь об этом. Но когда сталкиваешься уж совсем с плохой работой и начинаешь ее оппонировать, тогда особенно остро себя коришь и переживаешь, даже страдаешь. Только в таких, самых одиозных, случаях. А так плыву по течению, как и большинство.

Ю.М.: Поскольку Вы подошли к зрелому возрасту и вопросы карьеры в науке Вас не интересуют, судя по Вашим неоднократным заявлениям, что все-таки Вы цените в своем положении больше всего?

П.К.: Для меня профессор — это высшее, что может быть достигнуто в нашей профессиональной области, так что дальше двигаться в данном плане некуда. Ниже профессора не опустят, а выше — нет, не ищу.

Ю.М.: Может, это самоограничение извлекает Вас от необходимой траты сил на борьбу за место в Академии наук?

П.К.: Это меня абсолютно не интересует, и я это сознательно отодвигаю от себя. Да, большая академия не для меня, а на «маленькие» размениваться нечего.

Каким может быть союз университетов и учреждений Академии наук

Ю.М.: А что, с Вашей точки зрения, ожидает Академию наук?

П.К.: Я считаю, что этот институт принципиально не модернизируем. От него надо просто избавиться, ничего искусственно не разрушая. Нужно поменять «место дислокации» — нет, не «в глушь, в Саратов», а в ведущие университеты. Институт философии РАН, как мне представляется, может быть в рамках Московского университета. Важно по-современному просвещать, образовывать молодежь, опираясь в полной мере на исследовательский, вернее поисково-академический, потенциал.

Ю.М.: Но ведь далеко не все могут преподавать. Кто-то лучше занимается исследованием проблем, но совершенно не приспособлен к обучению студентов.

П.К.: Но я ведь понимаю преподавание широко. Не обязательно читать лекции и вести семинары, можно руководить дипломными проектами или магистерскими диссертациями. Важно говорить с магистрами как с исследователями. Один читает лекции, а другого надо занять чем-нибудь другим. Видимо, не преувеличу, если скажу, что настоящий исследователь нуждается в студенческой аудитории — там он уточняет и шлифует свои открытия. Я всегда здесь вспоминаю таблицу Менделеева, которая появилась на свет из желания предложить студентам удобную и понятную классификацию «рассыпающихся» химических элементов.

Ю.М.: Но мы ведь знаем с Вами, какой образовательный уровень у сегодняшних студентов. Поэтому стоит ли отработывать свой профессиональный уровень на нынешнем студенческом контингенте?

П.К.: Да, тут есть о чем задуматься.

Ю.М.: Вы сказали, что необходимо передать академические институты в МГУ, а что же будет тогда с Академией наук?

П.К.: Не совсем так. Академию наук не надо уничтожать. Там накоплен богатый опыт, есть серьезные традиции, продуктивная преемственность. Нельзя все это отменить или перечеркивать, можно и нужно передать, изменить, приобщить.

Ю.М.: *Но кто будет увольнять лишних сотрудников, которые появятся, например, после слияния философских факультетов университетов и академических учреждений?*

П.К.: Так ведь и любого университетского профессора, который в год не выполняет установленный объем научной нагрузки, надо тоже увольнять. Он обязан писать регулярно научные работы: монографии, учебники, статьи.

Ю.М.: *Но Вы ушли от моего вопроса. Если Вам сверху скажут: «Уважаемый Петр Кондратьевич! Поскольку Вы лицо незаинтересованное и неангажированное, мы назначаем Вас председателем комиссии по преобразованию академических структур в научные центры университетов». Ваши действия?*

П.К.: Ни я, ни мои коллеги-соотечественники с этой задачей не справятся. Для решения данной задачи я бы привлек какой-нибудь международный образовательный аудит.

Ю.М.: *Вы считаете, что такой аудит существует и он способен разобратся в нашей ситуации?*

П.К.: Думаю, что такой аудит можно было бы найти. И если бы его провели люди незаинтересованные, со стороны, может, это было бы легче воспринято.

Ю.М.: *Но ведь западные коллеги очень далеки от нашей социокультурной ситуации?*

П.К.: Тогда надо опираться на тех наших соотечественников, которые там уже работают, через них.

Ю.М.: *Все равно это будет субъективно. Вот если бы Вам лично пришлось эту задачу выполнять, что бы Вы предложили: использовать чисто формальные критерии или всем воздать по заслугам? Что бы Вы сделали с нынешними академиками и заслуженными профессорами, которые уже давно не читают лекции?*

П.К.: Видите ли, наше государство заставляет нас выполнять социальные функции собеса. Вообще это не дело университета. Ведь многие не могут уйти на пенсию, потому что она нищенская, их переводят из уважения к старости на полставки профессора-консультанта и т.п.

Мой подход был бы селективно-качественным. Критерии здесь нечеткие и даже размытые. И тем не менее надо бы провести какую-то экспертизу качества изданных работ. А что касается педагогики, то я бы разработал, с учетом нашей специфики, методику оценки качества занятий с участием студенческой аудитории. На основании мнения этих двух сторон и можно делать какие-то выводы. И преподавать надо то, что исследуешь. При этом у профессора должны быть ассистенты — помощники, которые освобождают его от педагогической рутины, позволяя с головой погрузиться в науку. Но как в наших условиях решить эту задачу технологически, я не знаю. Да и морально не готов. Ведь с подобными преобразованиями связаны сплошные обиды, а отсутствие четких критериев и действительной общественной заинтересованности позволяет наводнять наше профессиональное сообщество людьми, которые не имеют никакого отношения не то что к философии — к теории. Философия должна быть делом профессиональным и для профессионалов. Я считаю, что рано или поздно Академия наук уйдет в небытие, хотя в свое время эта структура была полезна. В ситуации полной идеологической подавленности педагогов высшей школы это было место, где все-таки сохранялась философия на приемлемом теоретическом уровне.

Ю.М.: Так, подведем некоторые итоги. Вы предложили проект научно-образовательных центров, и я его принял. Но Вы признали свою беспомощность, потому что не смогли даже теоретически представить слияние академических учреждений и университетов в России и найти решение того, как освободиться от людей, которые являются «балластом» в науке. Что же дальше, если даже гипотетически такую задачу трудно разрешить?

П.К.: Для меня всякие академии – это просто свободные профессиональные ассоциации, добровольные общественные организации. Но в нашей Академии наук все по-другому. «Табель о рангах» устанавливает само государство или группа лиц, выступающих от его имени, которые назначают кого-то академиком, а кого-то – нет. Я категорически против того, что академик – это чуть ли не государственный служащий, что звание академика отдает державностью и официальной благонадежностью. Им даже специальную зарплату устанавливали. Только непонятно за что. Вообще-то академикам надо жить на гонорары.

Ю.М.: Да, трудно себе представить Юргена Хабермаса восседающим в узком кругу академиков.

П.К.: Естественно. Но скажу больше. Мы говорим о Ю. Хабермаса, но не упоминаем о том, что он профессор. Просто одной его фамилии достаточно людям из философской среды и вообще всем гуманитариям. Нынешняя структура Академии наук – это Средневековье, академический феодализм какой-то. Я бы так назвал эту ситуацию.

Человеку науки сложно выдерживать высокий профессиональный уровень и находиться на нем длительное время. Ведь нужно регулярно подтверждать свое положение. А тут один раз подсуетился – и получил индульгенцию на всю жизнь. Ничего и никому не надо присваивать пожизненно. Это все – бюрократическая политика, а не научный дискурс.

Если человек решил крупную научную проблему, то должен получить соответствующее материальное вознаграждение, а профессиональное сообщество его признает, и этого будет вполне достаточно. Ведь чего скрывать – большинства наших академиков никто в мире не знает. Западным коллегам нужно очень долго рассказывать, что это за человек, и доказывать, почему он стал академиком. Для людей науки это просто смешно.

Ю.М.: А разве в наших условиях можно по-другому организовать работу Академии наук?

П.К.: Конечно возможно. Данная ситуация лишь говорит о том, что мы живем в прошлом социально-историческом времени, а не в современности. Академия наук – анахронизм чистойшей воды.

Ю.М.: Ну хорошо. Ваш настрой мне понятен. Но ведь никто добровольно не отказывается от денег, постов и привилегий. Ведь и Вас можно купить? Допустим, Вам предложили стать академиком или членкором, и есть большая вероятность того, что Вы пойдете. Тогда бы Вы согласились? Вам бы и деньги платили за это.

П.К.: Поскольку речь зашла о деньгах, то у меня появились сомнения. Если это не просто смоделированная ситуация, а реальная, то не знаю, как бы я себя повел, поскольку деньги нужны. В целом меня зарплата устраивает, но денег всегда не хватает, это понятно. Когда ситуация финансово давит, то, пожалуй, колебания уходят в тень, отступают. Тут нет каких-то четких границ. Но, наверное, из-за денег я бы согласился. Это опять продолжение линии соглашательства.

Ю.М.: А вот такого соглашателя Вы в себе уважаете?

П.К.: Нет. Иногда об этом задумываюсь. А когда не думаю, то вроде бы и ничего.

Многоликий Янус, или Множественная идентичность человека.

Совесть как тоска по идеалу

Ю.М.: После разговора с Вами у меня сложилось несколько образов Гречко. Один Гречко – человек принципа, который соблюдает принятые в научном сообществе правила профессионализма и научности. И есть другой Гречко – Гречко-соглашатель, Гречко-примиритель, Гречко, который идет на поводу негласных норм, принижающих значение и ценность профессионализма, демократизма и пр. Где же все-таки образ настоящего Гречко?

П.К.: Думаю, он складывается в сочетании всего этого. Я разделяю постмодернистскую методологию, и это для меня не просто некая отстраненная методология, а глубокие убеждения. В каждом из нас борются разные идентичности, и в зависимости от ситуации побеждает та или иная. Я даже на лекции в Чебоксарах говорил, представляя субъектное многообразие: враг, чужой, другой – это не только что-то внешнее, нас окружающее, но и то, что сидит в каждом из нас. Вот с такой начинкой мы и живем. А где я настоящий, трудно определить однозначно. С точки зрения постмодернизма это некорректно поставленный вопрос. Такого меня вообще нет.

Ю.М.: *Слава богу, я живу в другой парадигме и у меня с идентичностями все нормально, хотя внутренний диалог между ними постоянно ведется. Вы сказали, что настоящего Гречко нет. И избавили меня еще от одной иллюзии. По крайней мере, у меня была иллюзия, что настоящий Гречко, т.е. доминирующая идентичность (субличность) есть, но имеются также и те ситуативные образы, которые он демонстрирует время от времени внешнему окружению. Вы говорите, что Вы все время разный. Следовательно, каждый раз Вы демонстрируете новую сущность, собирая себя по другим основаниям?*

П.К.: Я – в ситуации.

Ю.М.: *То есть Вы признаете, что Гречко – человек не субстанциональный, а ситуативный или ситуационный?*

П.К.: Совершенно верно.

Ю.М.: *Нет Гречко субстанционального?*

П.К.: Да. Безотносительно к конкретным ситуациям, в каком-то абсолютном смысле, независимом измерении.

Ю.М.: *Но все же остается у Вас хоть какое-нибудь ядро, которое не меняется радикально со временем, а формируется как некая внутренняя опора?*

П.К.: Что-то, конечно, есть. Оно проявляется, когда меня заедает, преодолевает тоска, когда я попадаю в очень уж плохую ситуацию. Есть все-таки ностальгия по настоящему идеалу. По-моему, это единственный инвариант, который объединяет очень разные и далекие от идеала ситуации, а следовательно, собирает вместе мои идентичности.

Ю.М.: *Теперь я предложу свою концепцию человека (и не только Гречко), не претендуя на полноту и специфичность. Я считаю, человек познается не в том, как он себя проявляет в разных ситуациях, иногда допуская малодушие, трусость, какие-то другие человеческие слабости, а в том, кем бы он мог быть на пределе своих сил и возможностей, находясь в непосредственном приближении к своему идеалу. Вот это предельное состояние я и характеризую как «настоящего человека». Кроме того, человек не только боится смерти, но он боится и жить, жить полнокровно, дышать полной грудью, жить на пределе, не щадя в социальном (а не моральном) плане себя и других. Если снять с человека все страхи, идущие с детства, и комплексы, поддерживаемые*

социальным окружением, то мы под этой оболочкой обнаружим настоящего, бесстрашного и, безусловно, невероятно красивого человека. Наверняка таким его хотели бы видеть близкие люди (его мать, жена, дети, друзья), и таким он интересен самому себе. Поэтому мой подход отличается от Вашего.

Петр Кондратьевич! Каким бы Вы могли стать на пределе своих возможностей, если бы удалось побороть в себе страх перед жизнью?

П.К.: Я думаю, что на самом деле человека надо испытывать критическими ситуациями или в пограничных ситуациях. Чем и как он обернется в них — это, видимо, и будет его истинная сущность, подлинное существование. Но нужно поставить его в такие ситуации. И на самом деле они есть, но мы их не различаем, не выделяем как особые. Или отбрасываем из боязни. Вот по этим ситуациям можно судить о человеке в целом — безотносительно к его множественной идентичности. Кажется, я цитирую экзистенциализм, забыв о заявленной постмодернистичности.

Ю.М.: Но ведь есть нечто неизменно переходящее из одной ситуации в другую. В процессе жизни человека образуется некий «остаток», который нельзя свести к его ситуативным образам.

П.К.: Это чем-то похоже на карму, поскольку, согласно буддистской философии, индивидуальная душа рассыпается во время смерти, а потом собирается на основании какой-то кармической преемственности. Хотя там много грехов, но есть и светлая сторона, которая в свою очередь может быть очень разной — по степени освещенности. Непременно что-то сохраняется в переходе, что-то неуловимое и необъяснимое.

Ю.М.: Наверное, оно и называется загадкой человека, тайной его души. И это нельзя из него вычесть, списать на ситуативность.

П.К.: Если говорить об актуальном существовании, то лично у меня такое состояние проявляется в виде некой тоски.

Ю.М.: И все же если возможно для Вас мыслить в предложенной мной логике, то каким бы Вы хотели (или могли) быть на пределе своих возможностей?

П.К.: Я хотел бы быть честным человеком и соответствовать философии как честному мышлению. Точнее, я готов на разумные компромиссы, но только на те, которые не требуют сделки с совестью. Вообще совесть — очень странное образование внутри нас. Как ее ни заговариваешь, как ни успокаиваешь, приводя различные разумные аргументы, а она все-таки не дает покоя.

Ю.М.: Но это относится не только к сфере нравственности, но к сути человеческого существования. Ведь совесть можно рассматривать как «лакмусовую бумажку» человеческого «Я», в которой проявляется его истинная сущность. И Вы только что, не ведая того, предложили еще одно важное дополнение: совесть как тоска по идеалу — идеалу настоящего и подлинного в человеке, того, что он хотел культивировать и поддерживать в себе постоянно, но в силу различных жизненных обстоятельств он уходит от этого. Мне очень понравился этот образ. Мы в ответе не только перед другими людьми, перед обществом, в котором мы живем. Главная линия ответственности проходит внутри нас. Мы призваны осуществить свою подлинную сущность в отведенные нам сроки жизни. И в этом нам помогает наш «внутренний маячок», называемый совестью, т.е. ответственностью перед собой. Я вспоминаю в этой связи слова Павла Корчагина: «...чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы».

А в профессиональной сфере у Вас есть то, что нельзя отнять, чем Вы интересны и специфичны?

В поисках профессиональной идентичности. Тяжкое бремя профессионализма, или О своем «месте под солнцем»

П.К.: Я бы хотел сделать что-нибудь такое, что представляло бы живой, настоящий интерес не только для меня, но и для других.

Ю.М.: Ну, например, разработать философскую концепцию уровня Юргена Хабермаса.

П.К.: Хабермас для меня – идеал классический, а неклассический – это Делез. Он «темный», «непрозрачный» (с точки зрения восприятия его текстов) и не всем кажется таким великим и интересным, как Хабермас или Гидденс. Хотелось бы походить на такого человека или хоть как-то поработать на его уровне.

Ю.М.: *Петр Кондратьевич, а чего Вам не хватает для профессионализма уровня Делеза? Как Вы считаете, в чем не дотягиваете?*

П.К.: Не дотягиваю талантом – это очевидно. Отдельный разговор – о самих талантах. Они очень неравномерно распределены, и, видимо, можно искать виновника такой неравномерности. С моей точки зрения, самая глубокая истина заключается в том, что мир устроен несправедливо, и с этим ничего нельзя поделать. Можно многое улучшить, многого добиться, если, конечно, упорно трудиться, вырабатывая свой потенциал. Но, по большому счету, этот потенциал задан изначально. Потолок развития человека устанавливается не человеком. Его можно где-то приподнять, но превзойти или отменить невозможно. Он задан генотипом, поскольку я не верю в Господа Бога в этом плане.

Ю.М.: *Но тогда введите собственную градацию. Есть таланты и посредственности. Есть гении и злодеи. Есть способные «среднячки» и добросовестные профессионалы, приближающиеся к талантам, и обычные «трудяги», которым не дано подняться на высоту профессионализма. Наконец, есть настоящие «звезды», освещающие пространство науки на долгие годы вперед, и «светлячки», отражающие ситуативно их свет. А кто же в таком случае Вы?*

П.К.: Я отношу себя к середине, но с ориентацией на ее верхний этаж. Так, во всяком случае, хотелось бы думать и так работать. Будучи в середине, я как бы планку себе устанавливаю повыше и ориентируюсь на что-то более высокое и глубокое.

Ю.М.: *Не знаю, как Вы, а мне приятно ощущать себя «светлячком», отражающим свет философских «звезд», хотя в глубине души, наверное, каждый из нас мечтал научиться летать, подняться над суетной жизнью философских и научных землекопов. Что же является для Вас критерием различения способностей к научному творчеству?*

П.К.: Сложно сказать. Когда знакомишься с продуктом творчества интересных мыслителей, читаешь, вникаешь, это сразу видно, как-то естественно угадывается и понимается. Выразить это критериально очень трудно, но думаю, что подобным критерием может быть глубина или высота проникновения в исследуемую реальность. Проблема с гениями куда более сложная.

Ю.М.: *И кто же они – гении в философии? С Вашей точки зрения, Гегель – это талант или гений?*

П.К.: Есть такое понятие у Фуко – «учредители». В моем понимании, все эти учредители дискурсивности и есть гении. Туда входят Маркс, Гегель, Деррида, Делез, а также некоторые другие.

Ю.М.: *Вот у меня такое интуитивное представление: талант – это человек, который научился летать, вырвался в пространство мысли и свободно там себя чувствует; гений – это уже не совсем человек, он парит очень высоко над нами, высту-*

ная транслятором мирового разума и освещающая горизонт науки на десятилетия и даже столетия вперед. «Середнячок-светлячок» — это профессиональный исследователь, способный хорошо отражать (интерпретировать) свет гения и таланта, но не умеющий летать самостоятельно. Он не может оторваться от земли, будучи к ней прикованным социальными условностями, недостаточным потенциалом и пр. Но вернусь к персоналиям. Так, Делез для Вас — гений. А кто же в таком случае является талантом?

П.К.: Если говорить о марксистской парадигме, то это представители западного марксизма типа Альтюссера, Лукача и др.

Ю.М.: А Хабермас в Вашем понимании тоже талант?

П.К.: Да, тоже талант. Хотя здесь что-то переходное — к гениям, но я отношу его больше к талантам. Дальше идут, в дополнение к сказанному, Блох, Грамши, Колаковский — это таланты, разумеется в рамках марксистской парадигмы. Но можно и нужно находить таланты и в других парадигмальных рамках.

Ю.М.: Извините за нескромный вопрос. Значит ли это, что на таком фоне Вы должны утвердить себе окончательный и бесповоротный приговор. Сегодня Вам чуть-чуть за шестьдесят. И если Ваш талант не проявился на предыдущей стадии, то имеется ли шанс, что он позже обязательно проявится?

П.К.: У меня нет такой проблемы. Я не считаю, что владею таким талантом, и достаточно самокритично к себе отношусь. Я пытаюсь разрабатывать, по возможности максимально, тот потенциал, который у меня есть, зная при этом, что новой прибавки не будет, что судьба меня в данном плане точно не порадует. Повторяю, остается рассчитывать только на совершенствование имеющихся задатков.

Ю.М.: Правильно ли я Вас понял, что Вы смирились со своей ролью «середняка» в философии и науке?

П.К.: Я стоически принимаю эту ситуацию, зная ее неотвратимость, неперерешиваемость.

Ю.М.: А что там находится внизу, под «середняками», что успокаивает Ваше самолюбие? Вы ведь не самый худший представитель нашего философского сообщества.

П.К.: К сожалению или к счастью, но это никогда меня не успокаивало и не утешало, хотя всегда можно найти человека, который будет тебе в чем-то уступать.

Ю.М.: Тогда я уточню свой не совсем корректный вопрос. Профессионализм начинается с «середняка» или его планка находится ниже?

П.К.: Конечно, с «середняка». А талант и гений — это образцы высокого профессионализма. Они задают нам планку.

Ю.М.: Что-то вроде мировых рекорсменов, до которых обычным спортсменам еще тянуться и тянуться. Бывая на Западе и изучая западную мысль, могли бы Вы привести примерное соотношение между талантами, «середняками» и просто работоспособными исследователями?

П.К.: Мне кажется, западная ситуация принципиально отличается от нашей тем, что в ней есть свои «звезды» — они-то и вытягивают ситуацию в целом. А «середняк» там достаточно распространенный тип исследователей, и людей более низкого статуса там тоже очень много. Но я еще раз подчеркиваю, что, в отличие от нашей ситуации, там есть «звезды», которые и делают погоду в научном сообществе. А «середняки» и все остальные поднимают свой статус и как-то укрепляют его с ориентацией на них. Убийственность нашего положения в том, что практически нельзя ука-

зять с определенностью на образец профессионализма, понятный всем, а не только для людей заинтересованных и потому подыгрывающих ситуации.

Ю.М.: *Тем не менее я спросил о Западе, а сколько там имеется так называемых звезд в примерном соотношении?*

П.К.: Есть такое науковедческое измерение — генераторы идеи, разработчики основных положений. Так что если верить специалистам в области философии науки, то таких людей в научном сообществе где-то 5–7% — людей, которые находятся на переднем крае научных изысканий, которые поднимают и решают действительно фундаментальные проблемы. Остальные их эмпирически насыщают, доводят до ума, интерпретируют и уточняют. Считаю, что 5–7% — это нормально. А количество «середняков» зависит от ситуации. В Америке, я полагаю, их число приближается к 60%.

Ю.М.: *А как же у нас в философском сообществе?*

П.К.: Если не заигрывать с профессиональной совестью, то, думаю, где-то 2–3% талантов.

Ю.М.: *А сколько в нашей философии находится «середнячков»?*

П.К.: Очень немного, на мой взгляд, где-то 15–20%, но это очень приблизительно и субъективно. Остальные не имеют никакого профессионального отношения к философии. Они выполняют чисто идеологическую функцию, поддерживая сложившийся порядок вещей. Если провести «чистку» философских рядов, то, полагаю, очень немногие выдержали бы этот тест или удовлетворили бы настоящим современным критериям профессионализма в области философии.

Ю.М.: *Да, не очень радостной получается Ваша интуитивная картина: примерно 20% отечественных профессионалов от философии против 65–70% в США. Могут ли я предположить, что членов нашей редакционной коллегии Вы относите хотя бы к «середнячкам»? Или не всех?*

П.К.: Не всех.

Ю.М.: *А могли бы назвать настоящих «звезд» философии? Кого Вы считаете талантами современной отечественной философии и теми людьми, которые оказали на Вас неизгладимое впечатление, на кого Вы равняетесь и кто задает, с Вашей точки зрения, образцы философствования в нашем сообществе?*

П.К.: Я затрудняюсь ответить на этот вопрос.

Ю.М.: *Ну хотя бы приблизительно. Так, 2–3 % талантливых исследователей — это тоже немало для нашего философского цеха, где в одном только Российском философском сообществе насчитывается около семи тысяч членов.*

П.К.: Но я все-таки беру социальную философию, свою область исследований.

Ю.М.: *А если взять другие области отечественной философии?*

П.К.: Я могу сказать, используя более сниженную терминологию, что они мне просто не интересны. Я с интересом знакомлюсь с работами в области социальной философии. Могу назвать В.Е. Кемерова, я читаю то, что он издает. В.Г. Федотову читаю. Вас я не читаю, но слушаю, и мне это очень интересно, всегда ценю Ваши замечания. Должен признать, что, в отличие от истории философии и других направлений философских исследований, социальная философия выглядит не самым лучшим образом.

Ю.М.: *А вот, например, таких людей, как А.П. Огурцов, Вы относите к «звездочкам» нашей отечественной философии, и в чем это проявляется критериально?*

П.К.: Если говорить в целом, т.е. расширять горизонт оценки, то да, я отношу его к философским «звездам», но в нем я вижу прежде всего колоссального эрудита, бесподобного интерпретатора. Он владеет таким материалом и в таком объеме, что мне трудно представить, как вообще можно выйти на такой уровень осмысления. И тем не менее, если поставить вопрос: «А где же Ваша, Александр Павлович, исходная оригинальная концепция, которая в иных ситуациях может и даже должна претендовать на парадигму?», я не смогу обойтись без определенной натяжки.

Ю.М.: *Это касается, как я понимаю, и других известных представителей философского сообщества. А скажите, разве такая оригинальная концепция, да еще с претензией на парадигму, имеется у упомянутых Вами Кемерова и Федотовой?*

П.К.: У Кемерова все-таки есть попытка выразить идею множественной субъективности.

Ю.М.: *Но ведь только попытка. Или уже попытка — как будет угодно. Я ведь искренне считаю, что профессор П.К. Гречко не ниже их по уровню и глубине понимания. И в самом деле, если Вы начнете оценивать себя по основаниям, Вами же введенным (наличие оригинальной концепции или концепций, имеющих самостоятельный статус и вписывающихся хотя бы в какую-нибудь уже известную парадигму или претендующих на новую исследовательскую перспективу), то Вы окажетесь ничуть не хуже других исследователей. Я все-таки считаю, что имеются философские парадигмы — нечто уже устоявшееся, ставшее традицией, но есть и исследовательские перспективы, например коммуникативная рациональность Хабермаса, хотя это еще не парадигма, но, возможно, скоро ею станет. Не уменьшаете ли Вы значение собственной персоны на фоне обозначенных фигур?*

П.К.: Вы все время выводите меня на отечественную почву, но я все равно не могу освободиться от западного фона, это меня постоянно сбивает. Там я могу выделить критерии и людей, которые им соответствуют, а здесь затрудняюсь это сделать. И боюсь быть неадекватным, да и людей не хочется обижать, потому что они здесь не виноваты.

Ю.М.: *Может быть, для наших философов следует подыскать более удобную формулу, например исследователи «выше среднего уровня», еще не дотягивающие до талантов и звезд западного типа, но уже способные приподняться от земли?*

П.К.: Ну это однозначно.

Ю.М.: *Ну, посмотрите тогда: у нас, в отличие от Запада, есть «середнячки» и есть люди «выше среднего уровня», которые приближаются по своим способностям и достижениям к настоящим талантам. И все они укладываются в эти 2–3 %. Так ли это?*

П.К.: Скорее да, чем нет. И туда входят сегодня и В.М. Межуев, и В.Г. Федотова, и В.Е. Кемеров, и многие другие — всех, естественно, не перечислишь. Вне всякого сомнения, это профессионалы «выше среднего уровня». Точнее, если брать социологическую концепцию, то там есть слои в среднем классе. И это, безусловно, наш верхний слой среднего класса в философском сообществе.

Ю.М.: *Извините опять за прямой вопрос, а Вы себя тоже в этот слой зачисляете?*

П.К.: Наверное, да. Или, точнее, я хотел бы там себя видеть.

Ю.М.: *От себя добавлю, что, по моему мнению, Вы находитесь не в самом верхнем слое среднего класса, но Вы там наверняка. А кого Вы имели в виду конкретно под звездами или звездочками в современной отечественной философии?*

П.К.: Я и имел в виду уровень «выше среднего».

Ю.М.: *Ну так эти люди по Вашим меркам все равно не дотягивают до уровня «звезд» западной философии?*

П.К.: Вот это меня и сбивает с толку.

Ю.М.: *Получается тогда, что у нас имеются «средние» или «выше средних», а нет «звезд» западного уровня. Так ли это?*

П.К.: Получается так, что звезд мирового класса без оговорок пока еще нет.

Ю.М.: *А как оценить тех, кто стоял у истоков возрождения отечественной философии в годы «перестройки», например академик И.Т. Фролов и некоторые другие научные лидеры? Вы к ним относитесь как к людям предыдущей эпохи?*

П.К.: Однозначно. И думаю, что выше той эпохи, в которой они жили, они уже не будут. Возможно, я несправедлив и неадекватен в оценке их творчества — возможно. Там было много людей: и Мамардашвили, и Ильенков, — и все же они, на мой взгляд, не были «звездами». Вот Мамардашвили, например, — действительно живой философ того времени, он умел держать напряжение мысли. Я видел, как она, мысль эта, рождалась — в аудитории, буквально у меня на глазах. Но я считаю, что и он был просто на уровне французских философов того времени. Конечно, он их понимал, но «звездой» среди них он не был. У нас был, если снизить уровень или масштаб оценки, а у них не был. Главное же затруднение состоит в том, что я не могу с определенностью ответить на вопрос, какую парадигмальную концепцию он оставил после себя.

Ю.М.: *Но ведь И.Т. Фролову принадлежат многие концепции — концепция биоэтики, концепция комплексного изучения человека и т.д. Сегодня даже докторские диссертации на эту тему пишут. Неужели нельзя выработать критерии для оценки деятельности людей, внесших серьезный научно-организационный вклад и сдвинувших формально-бюрократические перегородки советской науки, приблизивших философские исследования к современному состоянию? Может быть, стоит говорить о каком-то другом типе ученого, родившемся в наших условиях, который не укладывается в прокрустово ложе западных стандартов?*

П.К.: Тут есть некое коварство. Вот, скажем, научные революции. Я думаю, что В.И. Ленин в этом плане был очень большим человеком. Не имея базового философского образования, он посидел в библиотеке и написал очень неплохую работу — «Материализм и эмпириокритицизм» называется. Сегодня ее можно критиковать за узость, идеологичность и т.д., но там был поставлен вопрос о научных революциях. Мы подхватили эту идею и сверхактивно ее разрабатывали. Масса диссертаций была защищена, писались целые книги. Я не буду называть имя академика, который занимался этим вплотную, долго и очень много писал. Но вот появился некий Томас Кун, внес кое-какие штрихи в проблему и стал «звездой».

Ю.М.: *Причем не обладая особым талантом.*

П.К.: Но он точно остается в истории философии, по крайней мере по проблеме научных революций. У нас было много людей, которые шли рядом и работали всерьез в данном направлении, но так и остались неизвестными героями.

Ю.М.: *Но, может, все дело в том, что западная философия, как и наука, строится на принципах предпринимательства. Там важно не только родить идею, но и выгодно ее продать. А для этого нужны хорошие менеджеры или продюсеры, т.е. люди, которые составляют группу поддержки ученых и продвигают их открытия к практике, во всяком случае делают их востребованными.*

У нас ведь тоже были свои философы науки, например П.Г. Щедровицкий или ростовский профессор М.К. Петров. И если работы первого продвигает и пропагандирует его успешный сын, выступая в роли своеобразного продюсера, то идеи вто-

рого так и остались до конца невостребованными. Одним словом, у нас разные с Западом принципы организации науки и научного сообщества. Поэтому так трудно сравнивать западных и отечественных философов. Вы так не думаете?

П.К.: Если брать жесткие критерии, то надо, к сожалению, признать, что у нас нет настоящих (с мировым резонансом) философов и методологов науки.

Ю.М.: *Но ведь не только менталитетом мы отличаемся от западных мыслителей? Кроме имеющихся различий в организации философских и научных исследований, у нас нарушены еще и механизмы преемственности в научном сообществе, что затрудняет наш путь в мировую науку.*

П.К.: Да, это так. На самом деле мы жили в другом мире – одномерном, без сопоставлений и конкурентного фона. В такой среде и не могло быть оригинальных умов. В нашей идеологии признавались лишь три величины – Маркс, Энгельс и Ленин. Никаких других рядом не могло быть по определению. А теперь мы задним числом пытаемся их найти. Сама жизнь в то время их не выдвигала. Стоит ли создавать себе кумиров, реконструируя прошлое.

При оценке персоналий, точнее, их вклада в развитие философии и науки, у меня работает чисто прагматический критерий: чтобы я мог, например, выехав на Запад и выступая в университете, назвать фамилию своего соотечественника, которая всем заинтересованным специалистам была бы известна. Но я не могу этого сделать. Конечно, философская литература у нас имеется, но я говорю об идеях философии. Наверняка у естественников есть такие имена и у технарей. Но я говорю о нашем, философском цехе. И это очень показательно. Вот был я в Судане на конференции, там фигурировал Хабермас – без объяснений все понятно, и Фукуяма, его тоже не надо было никому представлять. Но я никого не могу назвать из отечественных исследователей, чтобы все и всем сразу было понятно.

Ю.М.: *Но ведь Вы, Петр Кондратьевич, немного лукавите. Вы применяете западные критерии оценки для анализа научных вкладов отечественных исследователей, работающих совершенно в других условиях. Там, на Западе, развитая инфраструктура науки, высокий уровень жизни и оплаты интеллектуального труда, да и многие другие достижения, о которых нам сегодня лишь приходится мечтать. И, несмотря на такой разительный контраст, у нас остались свои «самородки», особенно в научно-технической сфере, которой уделялось приоритетное значение. Труднее дело обстоит с гуманитариями, которые подвергались большей идеологической чистке и откровенной травле за инакомыслие. Мне представляется, что старшее поколение уже не способно адаптироваться к западным критериям уровня и глубины философских исследований. Среднее же поколение также находится в ценностном кризисе. А насколько у Вас сильна вера в молодое поколение? Способно ли оно инициировать «звезд» в философии?*

П.К.: Не знаю. Мы их плохо готовим сегодня. Преемственность какая-то серая, да и та все время идет на убыль. Полагаю, что следующее поколение исследователей будет не намного лучше нынешнего. К сожалению, это общая тенденция в отечественной науке.

Ю.М.: *Странно, но ведь с философских факультетов страны при среднем уровне преподавания вышло немало интересных людей, в том числе лиц с претензией на «звездность». Куда же они делись? И как могло получиться так, что средний преподавательский состав этих факультетов мог породить таких способных студентов?*

П.К.: Думаю, что это получилось вопреки системе. Просто у нас очень много талантливых от природы людей. Я считаю, что наша система образования их портит, не позволяет в должной мере проявиться и заявить о себе через какое-то время. Они если что-то и делают заметное, то всегда вопреки, а не благодаря нашей системе образования. У меня сохранилась еще надежда на такие прорывы. Это то, что подогревает мой жизненный оптимизм, и я верю, что какой-то талант вдруг прорвется вопреки всему тому, о чем мы говорили. Сама природа поможет ему в этом — подтолкнет, даст импульс.

Ю.М.: *Но очень странная складывается ситуация. Если исходить из наших системных критериев, то все, кто стал сегодня академиком, — «звезды» и составляют элиту отечественной науки.*

П.К.: Если учесть, что эти критерии чисто формальные, то — да. Люди, которых подняла ситуация (если она, конечно, их справедливо подняла), должны быть такими. В данном же случае я сомневаюсь, что в академики попали действительно те люди, которые должны были стать академиками по своим меритологическим достижениям, т.е. по своим достоинствам и реальным научным достижениям. Если пространство науки мы ограничиваем «географическим» образом, то с нашей практикой выбора академиков спорить невозможно. Так есть и будет в «этой» стране. Но в истории мировой философии остаются имена не тех, кто стал или был великим только в своей стране, а совершенно другие лица. Вот мы смотрим: Ортега-и-Гассет — Испания, Умберто Эко — Италия. Но мы же не воспринимаем их только как испанцев и итальянцев, они просто западные философы.

Ю.М.: *Но если отвлечься от мировых стандартов, то люди, занимающие командные позиции в институтах науки, очень часто переписывают историю философии и вписывают туда свои имена. К примеру, издают и переиздают словарь «Философы России».*

П.К.: Если брать региональные масштабы, то все правильно. Увы, действительно можно на какое-то время подогреть ситуацию, кого-то (прежде всего самих себя) обмануть, что-то переписать, и примеров тому немало, но переписать и обмануть науку в целом нельзя. Рано или поздно она восстановит справедливость. Наука, философия тем более, — реальность универсального, а не партикулярного характера.

Ю.М.: *Но ведь философия, как нам известно, — не наука. Вы имеете в виду любое рациональное учение?*

П.К.: Да. Я различаю науку и дисциплину. Философия — академическая и учебная дисциплина, чем она и приближается к науке, т.е. там тоже имеются свои «правила игры». И в плане исторической оценки она подчиняется общенаучным критериям. Нет, науку в целом обмануть нельзя. Одно время, когда был самый великий и единственный философ современности в Советском Союзе, написавший работу по проблемам языкознания, никто не подвергал этот факт сомнению. Но так тогда было принято считать. И я был одно время убежден и верен этому.

Ю.М.: *А вот представьте себе, что человек живет в нашей стране и по определенным причинам не может ездить на Запад, пропагандировать там свое имя. Как ему тогда стать признанным на Западе философом, если у него действительно есть талант? Может ли он вообще стать в такой относительно закрытой стране, как Россия, философом мирового масштаба?*

П.К.: Я должен сказать, что Запад, конечно, может многое пропустить и не заметить. Это — достаточно грубый и подозрительный взгляд, но, если появляется что-то очень интересное, его непременно замечают. А принцип у них такой: все самое

интересное переводить на английский язык. Бахтина же заметили. И он фигурирует в постмодернистском дискурсе в качестве источника. Полифонизм, смеховая культура — это бросилось в глаза.

Ю.М.: *Кого же еще заметили из отечественных философов?*

П.К.: Например, Юрия Лотмана. Хотя его и не ставят рядом с самыми крупными «звездами» философии. Даже Мамардашвили заметили. Поэтому дело вовсе не в регулярных выездах. Нам нужно осваивать современную ученую латынь — английский, чтобы через него спокойно выходить на весь информационный массив и в нем хорошо ориентироваться. Некоторые известные на Западе философы вообще не ездят на международные конгрессы, считают их пустой тратой времени. Нельзя не сказать здесь и о нашем социализме. Он отрезал нас от мира, и мы до сих пор расхлебываем свою закрытость и находимся в информационной яме. Нам нужно быть более самокритичными, не надо так заноситься. Великие — что ж, это стимул, так давайте работать и подтверждать. И благодарное человечество, в том числе и западное, непременно откликнется.

Россия — не Запад. В какой же системе мы живем?

Ю.М.: *Получается, что всему виной дефект нашей системы? Я имею в виду систему как совокупность формальных институтов, вырабатывающих «правила игры» и контролирующих их исполнение в определенной сфере общественной жизни или регионе. Но хотелось бы поговорить и о типе общественной системы, сложившейся в современной России за последние одно-два десятилетия.*

П.К.: Да, наша система подавила творческую активность и заблокировала саму возможность появления ярких талантов в науке. Но ведь системы тоже могут быть разными. Совсем без системы нельзя. А система, которую мы создали, — это некий монстр, она неэффективна и неповоротлива. Я со своими постмодернистскими установками за системы, но против Системы.

Все так называемые вертикали власти — пустое, они плохо работают и не оправдывают себя, порождая лишь новые группы бюрократии. Вертикаль, как оказывается, действует только на слабых, сильные или упертые ей своевольно противостоят, там одни компромиссы и исключения из правил. В действительности единая вертикаль в нашей стране не построена. Вот как, например, в Чечне: появились юные «кадыровцы». Заметьте, даже не пионеры, а как было раньше — юные ленинцы, можно и сталинцы. Поэтому там на территории университета — по нашим законам светского учреждения — строят мечеть и регулярно творят намазы. Тогда о какой однозначной жесткой вертикали вы говорите? Чем угодно занимайтесь, только не воййте — так, что ли? Словом, с региональным произволом наша вертикаль явно не справляется. Возможно, без нее получилось бы лучше.

Ю.М.: *Как бы Вы определили в категориальном плане тип общественной системы, сложившийся в последнее десятилетие в России?*

П.К.: Скорее как традиционалистский, если иметь в виду типы легитимности по Веберу. Но мы живем уже не совсем в традиционном мире, опираемся на современные технологии, новые информационные перспективы и возможности. Нет, традиционализм, особенно на уровне ментальности, остается, но на вызовы современности тоже приходится отвечать. Парламент есть, гражданское общество тоже признано системным институтом. Чего нет, так это современной сути.

Ю.М.: *Петр Кондратьевич! Как мне известно, Вы собираетесь переписывать свой учебник по обществознанию, изданный уже несколько раз, но требующий обновления. Там у Вас есть категории «общество», «общественная система». Как, в каких понятиях Вы будете писать о России как типе общественной системы? Что Вы будете отвечать школьникам, чтобы донести им, что же мы строили и наконец построили?*

П.К.: Это вопросы, на которые я пока не готов ответить. Да, у меня есть уже учебник по обществознанию, и там, еще на заре перестройки, я очень жестко написал о России как особой цивилизации, ее расколе, нетехнологичности и т.п. Но сейчас я думаю, что нужно будет что-то исправить, школьникам ведь нельзя нести какой-то открытый негатив по поводу власти. И это, как я себе представляю, будет одна из самых сложных задач.

Ю.М.: *Это будет одно из очередных соглашательств или компромиссов, которые профессор Гречко примет для себя при написании данного раздела? Или Вы намерены дать характеристику российского общества как общества традиционалистского уклада (режима)?*

П.К.: Я все-таки постараюсь штрихами наметить какой-то выход из реальной проблемной ситуации. Исходный материал у меня есть, теперь буду его смягчать. До сих пор книга продается, и по ней учатся школьники – будущие абитуриенты. Я специально не просил гриф министерства, зная, что лучше быть вольным стрелком и позволять себе кое-что. С грифом сложнее, и требования там другие. Сейчас, правда, нас хотят прижать по-другому: если выпускается неадекватный учебник, то издательство могут закрыть.

Ю.М.: *Представьте себе, что Вы сегодня напишете для еще не окрепших умов. Ведь даже сейчас Вы теряетесь в оценках. Говорите, например, что бюрократизм – это не совсем научно, а традиционализм – не совсем то, что под этой вывеской имеется в виду. На самом же деле, признайтесь себе как честный философ, у Вас нет сегодня конкретного ответа на этот вопрос, нет своей концепции российского общества. Можно ли в таком положении предпринимать очередную попытку написать или переписать учебник по обществознанию?*

П.К.: Должен сказать, что, когда начну работать и когда напишу эту главу, у меня будет такой взгляд – это точно.

Ю.М.: *Вы его сочините?*

П.К.: Возможно. Но он у меня точно будет. Постараюсь продумать и концепцию. Если не изложить в деталях, то хотя бы продумать – структурно, прозрачно и целостно. Если не в учебнике, то в другом каком-то месте я ее представлю обязательно.

Ю.М.: *Петр Кондратьевич! Извините за мою придирчивость, но думаю, что это одна из причин того, почему наших обществоведов так не уважают. Они до сих пор не могут дать адекватную и концептуальную характеристику общественному строю, который сформирован в сегодняшней России.*

П.К.: Для меня тут есть причины, позволяющие объяснить затруднения в анализе типа общественной системы, сложившейся в нашей стране. Главная из них – то обстоятельство, что Россия не прошла через школу модернизации, или общественно-исторической рационализации. И потому она такая непрозрачная.

Ю.М.: *Вы хотите сказать, что мы живем в немодерном обществе?*

П.К.: Совершенно верно.

Ю.М.: *Получается традиционалистское, но не совсем, может быть, познетрадиционалистское общество. Так?*

П.К.: Да, традиционалистское, которое, однако, использует современные средства и технологии типа выборов, коммуникации, телевидения и т.д. Эти средства традиционное общество само по себе никогда бы не создало, но использовать их оно может, и это меняет ситуацию. Маклюэн был прав: «Media is message». Средства — общения и не только — действительно меняют нашу жизнь и несут с собой определенную весть: имеющий уши да услышит!

Ю.М.: *Тогда можно пойти по более легкому пути и заявить о том, что Россия — «переходное общество», у него есть и то и другое. Мы не ушли от традиционализма, но и к демократии не пришли. Получается некий симбиоз. Но в такой схеме другого объяснения Вы не сможете предложить.*

П.К.: Пожалуй, да. Все получается достаточно банально, я согласен. Но в модернизацию я верю. Она исправляет многое.

Ю.М.: *Но в России она пока не закончена.*

П.К.: Есть отдельные попытки, но так и не доведенные до конца.

Ю.М.: *Но они ведь не вписываются в обычную типологию обществ — традиционное, современное и постсовременное.*

П.К.: Да, не вписываются. Наша предыдущая власть сумела провести в стране индустриализацию, так и не впустив в нее модернизацию. Но отсюда все изъязны нынешних общественных преобразований.

Ю.М.: *Вы, видимо, имеете в виду идеологические аспекты модернизации?*

П.К.: Да, нужна совершенно другая ментальность. Ее обязательный признак — оптимальный расчет взаимосвязи целей и средств.

Ю.М.: *У нас цели очередных общественных преобразований почти всегда не соответствовали принимаемым средствам, а потери были, как правило, необоснованны и чрезмерны. С этой точки зрения Великую Отечественную войну мы выиграли, но заплатили за нее невероятным числом человеческих жертв и лишений.*

П.К.: Да. Даже тогда, когда была первая репетиция — война с финнами, — у них в шесть раз было меньше потерь, чем у нас. Мы до сих пор рефлексивно признаемся себе в этом не можем, страшимся, боимся и потому как следует не занимаемся.

Ю.М.: *И потому обречены на традиционализм?*

П.К.: Да. И потому у нас многое не как у людей. Что еще важно сказать. Вот Вы критикуете мой «западный уклон», он есть — я не отказываюсь. О чем, однако, речь? Взять, например, античную агонистику, у нас ведь не запущен и не работает механизм конкуренции, который работает жестко, но отбирает лучшее и лучших.

Ю.М.: *Но смысл агонистики не только в этом, но и в творчестве.*

П.К.: Да.

Ю.М.: *В особой творческой манере, дерзновении духа человека. Но ведь и этого у нас нет. Наверное, это и есть дух модерна. Конкуренция — лишь одно из его проявлений, важное, но не единственное.*

П.К.: А поскольку у нас не было рационализации, связанной с оптимизацией, то хорошие идеи часто не доводятся до их технологического исполнения, воплощения. У нас был Попов (радио), но радиоприемники мы почему-то привезли (и возим до сих пор) с Запада. А это значит, что в нашем сознании мало аналитики, технологии же без аналитики не бывает. То есть мы растекаемся мыслию по древу. Это ситуация, когда в голове, уме получается все замечательно, а прописать в деталях (это и есть аналитика), довести до уровня технологии не получается.

Ю.М.: Вы имеете в виду под аналитикой знания, которые ориентированы на практику?

П.К.: Да. Ведь что такое любая технология? Это — целое, которое раскладывается на части, из которых потом оно снова собирается. Разложить-то мы еще можем, а вот собрать все никак не получается. Выходит, плохо и разбираем, раз не можем выполнить обратный процесс.

Ю.М.: То есть для Вас аналитика — это последовательное «разбирание» частей целого, предполагающее их сборку, но уже на других основаниях?

П.К.: Да. Система знаний и навыков, которая позволяет собрать разобранные вещи снова или по-другому.

Ю.М.: Тогда должна быть и синтетика, позволяющая рационально проводить процесс сборки. Не так ли?

П.К.: Да, но на основе аналитики. Движение вверх (синтетика) всегда проверяется движением вниз (аналитика). Не получается — значит, нет должной обратной связи, движение прямолинейно-однобокое.

О системных недостатках, не всегда переходящих в наши личные достоинства

Ю.М.: Но сегодня мы говорим не только о том, какие изъяны существуют в нашей общественной системе, но и о том, чего не хватает профессионалу П.К. Гречко. И на самом деле, все, что Вы говорите сейчас про наше общество, нашу систему, я могу легко спроецировать и на Вашу конкретную личность и увидеть, как эти системные дефекты, так или иначе, трансформировались на Вашем личностном уровне.

П.К.: Увы! Мы — плоть от плоти этой системы, мы — ее персонифицированное воплощение, субъектный сколок какой-то. Система есть везде; где-то отрыв больше, там мы в нее не очень вписаны и потому более свободны. Это не оправдывает, но объясняет нашу ситуацию. Хотелось бы на личностном уровне увидеть перспективу большего отрыва от системы.

Ю.М.: Вы ведь слушали мою лекцию «Личность и система». Но там был какой-то другой ракурс. Личность и система как основное противоречие эпохи.

П.К.: Система наша заслуживает того, чтобы ее развить, но это опасно — на горизонте маячит системный беспредел. А без системы начинается другой беспредел — вообще безбашенный, первобытный. Нельзя доводить до крайности состояние свободы — ни с помощью системы, ни без нее.

Ю.М.: Петр Кондратьевич! В контексте нашего разговора о природе системы у меня возникает еще много вопросов. Я различаю гуманность, гуманистичность и гуманизм. По отношению к системе в целом и ее неотъемлемом атрибуте — власти — можно говорить лишь о гуманности как обращенности к человеку, его потребностям и интересам. В конечном счете не народ, а конкретный человек выступает первоисточником всех социальных преобразований и системных изменений. Культура же выходит за рамки системных требований и может быть гуманистичной, т.е. человекосоразмерной. Гуманизм как преимущественно «знаниевая» практика с некоторым религиозным оттенком центрирует все вокруг человека, ставя его в центр мироздания. Я понимаю, что гуманизм не может и не должен стать политической идеологией. Но может ли наша общественная система стать более гуманной и впитать в себя элементы гуманистичности, или это — недостижимый идеал? Я не уверен.

Петр Кондратьевич! Огромное Вам спасибо за интересный разговор.